

Валерий Мишланов

Стереотипы фатической коммуникации : на материале польского и русского языков

Studia Rossica Posnaniensia 30, 125-134

2002

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

СТЕРЕОТИПЫ ФАТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЬСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

STEREOTYPES OF PHATIC COMMUNICATION (IN POLISH AND RUSSIAN LANGUAGE MATERIALS)

ВАЛЕРИЙ МИШЛАНОВ

ABSTRACT. In the article the author depicts the problem concerning the essence of phatic communication and adequacy of language expressions in speech acts. The adequacy concerns both theoretical (mainly ethnolinguistic) aspect, as well as pragmatic (didactic, aspect of intercultural communication and also of communicational pragmatics). The article comprises the description of Russian and Polish phatic performants, taking, among other things, their structural-semantic aspect into consideration.

Валерий Мишланов, Пермский государственный университет, Институт иностранных языков, пер. Гранатный 8, Пермь – Россия.

I. Фатическая функция языка, как известно, состоит в том, чтобы обеспечивать речевой контакт между говорящим и слушающим. „Существуют сообщения, основное назначение которых – установить, продолжить или прервать коммуникацию, проверить, работает ли канал связи [...]. Эта направленность на контакт [...] осуществляется посредством обмена ритуальными формулами или даже целыми диалогами, единственная цель которых – поддержание коммуникации”¹.

Фатические высказывания относятся к разряду весьма устойчивых (стереотипных) и высокочастотных языковых форм², отчего их внутренняя форма и деривационная мотивация очень быстро стираются (в *спасибо* мало кто видит исходное *съпаси Богъ*, а *благодарю* в буквальном смысле противоречит коммуникативной целеустановке высказывания-благодарности).

¹ Р. Якобсон, *Лингвистика и поэтика*. В: *Структурализм: „за” и „против”*, Москва 1975, с. 210.

² Заметим, что не все, что регулярно воспроизводится, можно считать стереотипным (ведь тогда язык в целом можно было бы назвать „системой стереотипов особого рода”). Стереотип можно определить как predetermined (в некотором социальном контексте) выбор из объективно широкого круга альтернатив. Только переходя из грамматики в область стилистики, поэтики, риторики, мы, кажется, получаем право говорить о стереотипах.

Сопоставительный анализ фатических стереотипов разных языковых культур дает достаточно поводов для того, чтобы вновь включиться в обсуждение проблем „языковой картины мира”. Нет сомнения, что исследователь, акцентирующий внимание на тех языковых явлениях, которые отражают особенности духовной культуры этноса (национальные пристрастия и предрассудки), найдет в этой сфере немало интересного. Кроме того, изучение фатических выражений разных языков имеет определенное значение и с точки зрения задач лингводидактики, коммуникативной прагматики и межкультурной коммуникации.

Важно иметь в виду, что современная трактовка фатической функции языка существенно шире того, что вкладывалось в это понятие Б. Малиновским или Р. Якобсоном. Дело не только в том, что даже сугубо информативные речевые жанры (научные тексты, официально-деловые документы) кому-то адресуются и автор должен оформить сообщение так, чтобы адресат имел шансы идентифицировать текст как посланный именно ему, но в том прежде всего, что текстов, создаваемых и воспринимаемых только для духовного общения, т. е. отвечающих установке на самодовлеющее общение, – таких текстов гораздо больше, чем было принято считать. Человек часто вступает в речевой контакт с себе подобными не столько для установления истины (получения достоверной информации о мире), сколько для того, чтобы установить с кем-либо духовную связь, наши слова в обычном разговоре, как и поэтические строки или инвективы, не столько информируют о чем-то, сколько соединяют (или разъединяют) сердца и души.

Фатическая функция делает по-настоящему человеческими все иные функции языка – коммуникативную, когнитивную, поэтическую и др. Именно в этой функции проявляется человеческая сущность языка.

По мысли Л.Н. Мурзина, фатика (фатическое поле языка) содержит то, что создает „ауру” высказывания, благодаря которой текст включается в культурное (духовное) пространство³. Для этих целей язык использует самые разные языковые средства (из которых собственно фатические образуют лишь незначительную часть): в первую очередь субъективно-оценочные слова, а также слова и выражения, имеющие в языковом сознании этноса особый нравственный и эстетический потенциал.

Строго говоря, любой языковой знак может быть средством, создающим „ауру”. Слова (в дискурсах) суть знаки, обращенные к реальному миру не непосредственно (как имена „зверей полевых и птиц небесных”, данные Адамом), а через иные семиотические системы (через мифы, с которыми у людей ассоциируются слова), через „интертекстуальное пространство”. Слово, таким образом, может быть знаком знака, т. е. отсылать не к „вещи”, а к слову же (к предшествующим текстам). Означаемое таких знаков Р. Барт, вслед за

³ Л.Н. Мурзин, *Полевая структура языка: фатическое поле*. В: *Фатическое поле языка. Межвузовский сборник научных трудов*, Пермь 1998, с. 11–12.

Л. Ельмслевым, называет коннотативным. Такое означаемое „обладает всеобъемлющим, глобальным, расплывчатым характером: это – фрагмент идеологии”⁴. Некоторый предмет, описанный в поэтическом тексте, становится иным, он „может вызвать литературные симпатии и антипатии, какие-то образы”, т. е. наделяется „социальным *узусом*, который накладывается на чистую материю”⁵. Предполагается, что коннотативных означаемых всегда меньше, чем денотативных, однако, на мой взгляд, соотношение первичных и вторичных знаков в тексте зависит от ситуации общения, от жанра речевого произведения. Поэтический текст в этом плане достаточно определенно противопоставлен научному или обиходно-разговорному. Нет сомнения, что тексты фатической коммуникации представляют собой яркие образцы „коннотативных семиотических систем”, например, слова и выражения, которыми люди обмениваются, вступая в коммуникацию или завершая ее, имеют означаемым нечто большее, чем собственно приветствие или прощание.

II. Принято выделять следующие семантические (функциональные) типы фатических высказываний (речевых жанров):

1. Ритуальные (обязательные, диктуемые нормами поведения, этикета): представление (знакомство), приветствие, благодарность, комплимент, извинение, поздравление, пожелания, выражение сочувствия, прощание.

2. „Болтовня” (*roga wędki*): флирт, анекдоты, остроты, розыгрыши и т. п. – некие словесные игры, имеющие целью привести партнера по коммуникации в доброе расположение духа, в комфортное психическое состояние и/или произвести благоприятное впечатление на собеседника.

По признаку коммуникативной самостоятельности или несамостоятельности имеет смысл разграничивать:

а) независимые фатические высказывания, т. е. самодостаточные, существующие независимо от информативных текстов;

б) фатические рамки и фатические вставки.

Фатические высказывания чаще всего образуют диалогические единства. Такие диалоги включают, кроме ритуальных (обязательных) высказываний, то, что относится к жанру „болтовни”, в том числе фатические вопросы (*Как дела? Как поживаешь? Ну как оно ничего? Как провели выходные? Jak się masz? Co słyszać?* и под.), фатические ответы (*Все хорошо*) и фатические сообщения (например, высказывания о погоде или свойствах ландшафта, которые с информативной точки зрения обычно избыточны; ср.: *Прекрасный вид, не правда ли? Ну и погодка сегодня!*).

III. Проанализируем языковые особенности русских и польских фатических высказываний, обращая внимание на специфические черты.

⁴ Р. Б а р т, *Основы семиологии*. В: *Структурализм: „за” и „против”*, указ. соч., с. 159.

⁵ Р. Б а р т, *Мифологии*. В: *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*, Москва 1989, с. 73.

Начнем с важнейших фатических выражений – языковых форм адресации, в которые мы включаем вокативы, или обращения, т. е. слова, имеющие целью установление и поддержание речевого контакта и – одновременно – выражение отношения (оценки) к собеседнику, и дейктики 2-го л., т. е. местоимения и их функциональные эквиваленты, а также глагольные флексии, указывающие на слушающего. Обращение это – языковые формы, образующие ядро того, что Р. Хуца назвал „грамматикой вежливости” (*gramatyka grzeczności*)⁶.

В польском обществе издавна было принято называть собеседника по титулу (военному или ученому званию), по профессии (при условии хотя бы минимальной престижности профессии). Для русского речевого этикета употребление в качестве обращений научных титулов, названий типа *директор*, *президент* не характерно. Они могут образовывать вокативы только в официальной ситуации, причем обязательно вместе со словами *господин* (*товарищ*, *гражданин*): *Господин (товарищ) посол (директор, профессор, полковник и под)*.

Следующей специфической чертой польской системы обращений является то, что вокативы *panie*, *pani* свободно сочетаются не только с титулами (*panie profesorze*, *pani kierownik*), но и с именами, в том числе с уменьшительными вариантами (*panie Marku*, *panie Rysiu*, *pani Jolo*). В качестве обращения в польском языке широко функционирует также оборот *proszę pana (pani/panią)*, *proszę księdza*, соответствующий русскому фатическому *Простите, пожалуйста!* (при обращении к незнакомому). Яркая особенность русского языка в этой области заключается в том, что в позиции обращения имя (или имя и отчество) не может сочетаться с нарицательными вокативами (**Господин Володя*, **Товарищ Иван Петрович*, **Гражданин Вася*, **Девушка Варя*).

Исследователи обращают внимание на то, что „в отличие от других европейских языков..., в польском языке не употребляется фамилия как дополнение к местоимению или его субституту... Может быть, – пишет далее К. Писаркова, – именно здесь лежит причина титуломании, в которой упрекают поляков. Мы обращаемся друг к другу, называя титул, потому, что там, где отношения недостаточно интимны, основной оборот *pan, towarzyszu*, заменяющий местоимение 2-го л., представляется нам невежливым, слишком бедным, однако восполнение его фамилией не имеет языковой традиции. Поэтому говорим не только *panie magistrze*, но и *towarzyszu magistrze, obywatelu magistrze*”⁷.

Мнение К. Писарковой об отсутствии в современном польском обществе традиции употребления фамилии при вокативе полной поддержки не находит.

⁶ R. H u s z c z a, *O gramatyce grzeczności*, „Pamiętnik Literacki” 1980, vol. LXXI, nr 1, s. 175–186.

⁷ K. P i s a r k o w a, *Jak się tytułujemy i zwracamy do drugich?* „Język Polski” 1979, vol. LIX, nr 1, s. 7.

Так, Я. Миодек замечает, что во многих регионах Польши тип обращения „*panie, pani* + имя” встречается реже, чем вокативы „*panie, pani* + фамилия”. Особенно распространена модель с фамилией в среде рабочих и крестьян, где она считается просто более уважительной формой, чем *proszę pana* или *panie, pani* + имя⁸.

В польской разговорной речи (РР) широко распространены различные экспрессивные варианты обращений, включающие слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами; ср. характерные примеры из РР Кракова, описанные К. Ожугом: *panie* + прилагательное (*panie kochany, szanowny, kochaniutki, serdenki*); *Już, kotuniu, podaję; Moje złoto, skasuj ten bilet; paniusiu, śliczności moje* и под. Отмечается, что обычно такие обороты употребляют пожилые женщины в обращении к младшим⁹.

Ничего похожего нет в русском языке. Выражения типа *голубушка* – единственное исключение. Абсолютно невозможны в русском языке обороты **господин любимый, *барышня любименькая*. Имеются, однако, устойчивые выражения типа *милая барышня, дорогой товарищ*; со словом *господин* раньше употреблялось прилагательное *хороший* (обязательно в постпозиции); теперь эти обороты употребляются обычно в ироническом контексте. Ласкательные обращения *котик, рыбка* и под. возможны лишь в сфере интимного общения. Обращение *милочка* свидетельствует скорее об отрицательном отношении к адресату. Выражения вида *Уважаемые (дорогие) господа (товарищи)* сохраняют широкую употребительность в официальной сфере (при устном обращении к множественному адресату, в ед. числе обычно в эпистолярном жанре).

В связи с резкими переменами в социально-политической ситуации России и Польши произошли существенные изменения и в речевом этикете, более значительные в русском, менее – в польском. Например, во времена ПНР слово *obywatel* (*гражданин*) в некоторых сферах даже конкурировало со словом *pan*¹⁰. Этот вокатив представитель власти употреблял в разговоре как с правонарушителем, так и с профессором (даже со священнослужителями: *Obywatelu proboszczu, pokażcie dokumenty*). С 90-х годов обращения *towarzysz, obywatel* в официально-деловом стиле почти исчезли, а их место заняло слово *pan*. Так, в ситуации исполнения служебных обязанностей полицейский обращается либо с помощью обычных „прономинальных” *pan, pani, państwo* (*Panią poproszę o pokazanie dokumentów*), либо вообще без этих слов (более „дистантный” вариант): *Proszę pokazać dokumenty; Dokumenty, proszę*.

Специфическим вариантом обращения в польском языке являются обороты *proszę pana (pani/pania), proszę księdza* и под., в основном с род. п. или

⁸ J. M i o d e k, *Jeszcze o sposobach zwracania się do drugich*, „*Język Polski*” 1980, vol. LX, nr 2–3, c. 178.

⁹ К. О ж ó г, *Zwroty grzecznościowe współczesnej polszczyzny mówionej*, „*Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego CMXIII. Prace Językoznawcze*”, Warszawa–Kraków 1990, т. 98, с. 70.

¹⁰ Z. K l e m e n s i e w i c z, „*Pan*” i „*obywatel*”, „*Język Polski*” 1946, nr XXVI, с. 33.

с вин. п.¹¹ По-видимому, мотивация образования этих эквивалентов вокативов та же, что и у русских форм *Простите, пожалуйста* или английских *Excuse me*, функционирующих именно как обращения. Во многих коммуникативных ситуациях обращение, имеющее целью установление речевого контакта, сопровождается „фатическим извинением” (а генетически – реальным: за то, что собеседника отвлекают от дела, прерывают, вообще, беспокоят, ср.: *Простите за беспокойство, простите, что прерываю...*). Со временем, эта фатическая формула извинения, сопровождающая обращение, вытесняет само обращение (что особенно характерно для русского языка, в котором из сферы официального общения вначале были вытеснены вокативы *сударь, господин + титул/фамилия*, а в последнее десятилетие почти вышли из употребления обращения со словом *товарищ*). Естественно предположить, что польская формула *proszę pana* является результатом сокращения косвенной формы извинения (*Proszę pana o wybaczenie za...*).

Нельзя не отметить еще одну особенность польской фатической коммуникации: почти обязательное повышение собеседника в ранге (должности, звании) в случае, когда он находится на некоторой промежуточной ступени иерархии. Подполковника при обращении обычно именуют полковником, вице-преьера повышают до преьера, зам. директора до директора и т. п. Такое повышение имеет место, однако, лишь в формах адресации, тогда как при номинации третьего лица „приставки”, выражающие „полустепени”, обязательны¹².

Разумеется, противопоставление *ты – вы* и, соответственно, форм ед. и мн. ч. (а в польском языке – 2-го и 3-го л.) личных глаголов, дающее только два дискретных значения¹³, недостаточно с коммуникативной точки зрения. В действительности «шкала вежливости» имеет больше релевантных с коммуникативно-прагматической точки зрения позиций (от какого-нибудь *Co szanowny pan robi, panie doktorze?* до *Co ty wyprawiasz, doktorku?*). Некоторую промежуточную позицию на этой шкале занимает специфическая, весьма экспрессивная, контаминированная форма адресации в польских побудительных высказываниях вида *Daj pan jakąś szmatę, Wyłaż pani z tej kolejki*, все более распространяющаяся в современной РР¹⁴. Между прочим, возникновение таких оборотов стало возможным благодаря тому, что основной способ вежливого обращения в польском языке не связан с дейктиками 2-го л.

¹¹ K. Pi s a r k o w a, указ. соч., с. 9.

¹² В.Г. Ку л ь п и н а, *Лингво- и социопараметрический анализ форм вежливости в польском языке*. В: *Паланістыка 1999*, ред. А.К. Киклевич, Минск 1999, с. 64.

¹³ Можно предположить, что в польском языке формируется трехчленная грамматическая система вокативов: „на ты” – „на вы” – „на пан” (не исключено при этом, что распространение в польском языке обращения „на вы” было стимулировано влиянием русских стереотипов общения).

¹⁴ К. О ź ó g, *Zwroty grzecznościowe współczesnej...*, указ. соч., с. 70.

Употребление в формах адресации „субститутов местоимений 2-го л.”, прежде всего слов *pan, pani, państwo*, является, по-видимому, самой яркой особенностью польского языка в области фатической коммуникации. Обращение „на пан”, можно определить как „отстраненную” форму адресации, образующую более вежливый, чем обращение „на вы”, вариант. Эти слова утратили, конечно, первоначальное значение ‘господин’, ‘госпожа’, став универсальной формой вежливого обращения, причем практически во всех социальных группах. Ярчайшим свидетельством распространения слова *pan* как исключительно формы вежливости служит его употребление в среде нищих¹⁵.

Как же появились специфические польские формы адресации? В старину в Польше, как и на Руси, обращались „на ты”, причем эту форму использовали при общении представители самых разных социальных групп. В XVI в. использовались устойчивые формы обращения: «в начале стоит всегда имя или титул в зват. п., обычно с каким-либо вежливым эпитетом (чаще всего *miły*), и только при титуле „пан” эпитет часто опускается¹⁶.

С начала XVI в. при обращении к дворянину употреблялось вежливое *Wasza Miłość* или несколько более фамильярное *Twoja Miłość* (с. 3).

Со временем начинают избегать употребления местоимения 2-го л. ед. ч., хотя глагольные формы 2 л. ед. ч. еще употребляются (*Z niemałym zalem się wszyscy przyjaciele W. M. [Waszej Miłości] używamy, że W. M. tak częstymi odkładami tych roków bywasz zatrudnion*). Наконец, вместо форм 2-го л. глагола стали употреблять формы 3-го л.

Частое повторение форм типа *Wasza Miłość* вело к фонетическому сокращению до *Mość, Waszmość, Waść, Waszmość Pan, Waćpan* и т. п.. „Рядом с этим способом общения обнаруживаем и тот редкий, на „вы”, употребляемый здесь в том случае, когда высшая особа обращалась к низшей, напр., король...: *Już nam przebaczenie, a bądźcie na sejmie z panem wojewodą*” (с. 6).

В XVII в. сокращения типа *Waść* воспринимались уже как весьма фамильярные, вследствие чего развиваются новые формы вежливого обращения: с помощью слова *pan (pani)* и форм 3-го л. сказуемого (с. 7–8).

Итак, поворотным пунктом в истории польских форм адресации стало употребление при выражениях типа *Wasza Miłość* форм 3-го л. глагола. Возникновение „отстраненных” форм „на пан” („на Ваша Милость”) явилось, очевидно, результатом синтаксического смещения вокатива в позицию актанта: *Ваша Милость* начинает повторяться в роли дейктики 2-го л., требуя соответствующих форм личного глагола. Но почему вместо 2-го л. начинает употребляться 3-е л. глагола? Это оказалось возможным потому, что перифрастическая дейктика (*Мой Господин, Ваша Милость, Ваше Величество*) дает возможность „формального согласования” в 3-м лице, поскольку именно 3-го л. глагола требует подлежащее, выраженное существительным. Но одной возможности мало, необходим еще мотив, логическое обоснование. Таким мотивом является

¹⁵ Z. K l e m e n s i e w i c z, указ. соч., с. 38.

¹⁶ J. Ł ó ś, *Od „ty” do „pan”*, „Język Polski” 1916, nr III, с. 2. Все последующие цитаты приводятся в тексте по этому изданию, с указанием в скобках номера страницы.

стремление говорящего повысить ранг собеседника (одновременно понизив свой ранг). Обозначая собеседника как третьего участника коммуникации, говорящий как бы выводит его из-под действия перлокутивных сил своего высказывания. Ср. используемые в Библии аналогичные формулы, в которых, с одной стороны, имеем отстранение от „Я-форм” (обозначение говорящего формами „3-го л.” – существительными с семантикой „раб, слуга”), с другой – от „Ты-форм” (обозначение адресата существительными со значением „господин”). Ср.: *И пала [Авигея] к ногам его [Давида] и сказала: на мне грех, господин мой; позволь рабе твоей говорить в уши твои, и послушай слов рабы твоей. Пусть господин мой не обращает внимания на этого злого человека, на Навала; ибо каково имя его, и безумие его с ним [Навал значит „безумный”]. А я, раба твоя, не видела слуг господина моего, которых ты присылал* (1 Цар., 25, 24–25) (полужирным шрифтом выделены первичные дейктики, подчеркнуты их номинативные субституты). Ту же мотивацию имеют и самоуничижительные названия, заменяющие местоимения 1-го л. в эпистолярных формулах XVII–XVIII веков (ср.: *Тебѣ гдрю писавыи раб Петрушка Губин много челом бьет; Гдрю моему Борису Мироновичю Івашка Кирѣвскоі челом бьет* и под.), или современное ироническое *ваш покорный слуга*.

Самая распространенная формула приветствия у русских деривационно связана с выражением пожелания здоровья. Само же слово *привет* мотивировано корнем **вѣт-** (**вѣтити** – ‘говорить’). Основная формула приветствия в польском языке (*Dzień dobry* + вокатив), как и русское *Здравствуй(те)*, употребляется в любых коммуникативных ситуациях. Привлекает внимание отсутствие в узусе выражения со словом *ranek* (ср. *Guten Morgen, Доброе утро* и под.).

Слова, обозначающие прощание, у русских мотивационно соотносятся с формулами извинения (*прости, если что не так, не поминай лихом*) и опираются на семантику „простой – прямой – открытый – свободный – правый”, тогда как польское *żegnac* имеет в основе лат. *signum* ‘знак [св. Креста]’.

И.И. Срезневский из многочисленных значений слова *постыи* на первое место ставит значение ‘прямой’, далее – ‘свободный’, ‘неотягощенный’, ‘чистый’¹⁷. Семантическая эволюция слова *прощаться* (пращатися), безусловно, предполагает опору на значение ‘быть прощаемым’ (ср.: *Цни грѣси праштажътса по съмрѣти слѹжбамаи...* – *Изборник Святослава 1073 г.*).

Весьма распространенное польское *cześć* (в качестве приветствия и прощания) соотносится с вышедшим из употребления русским *Честъ имею*. Судя по всему, и в польском языке эта формула употреблялась некогда в социально ограниченной сфере (в дворянской среде, у военных).

К. Ожуг замечает, что некоторые выражения могут быть как приветствиями, так и прощаниями (*bużka, cześć, hej, serwus, kłaniam się pięknie, moje usza-*

¹⁷ И.И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. II, Санкт-Петербург 1895, с. 1578.

nowanie, całuję rączki, wyrazy szacunku)¹⁸, что для русского языка, как кажется, не характерно (*Здравствуй – Будь здоров; Привет (тебе) – Привет* (третьим лицам); какое-нибудь *Мир вам* чаще употребляется при встрече, а в качестве формулы прощания такого рода пожелание обычно выражается в развернутом высказывании (*Пусть будет мир в вашем доме*).

К. Ожуг разграничивает непосредственные формулы приветствия и прощания (типа *witam cię serdecznie; chcę bardzo serdecznie pożegnać miłych pań-stwa*) и опосредованные (*dzień dobry, bywaj zdrów*)¹⁹. Однако первичные значения глагола *witać* ‘mieszkąć’ (ср. того же корня русское *обитать* из праслав. **obwitati*) или *żegnać* ‘знаком креста осенять’ свидетельствуют о весьма существенных семантических сдвигах в процессе становления этих фатических стереотипов, так что выражение *dzień dobry* оказывается в действительности ничуть не более опосредованным, чем *witam*.

Для польского языка отмечаются вторичные образования типа *witaj, żegnaj*, которые образовались по образцу формул вида *bywaj zdrów*, однако в них побудительность стерлась, т. е. значат они то же, что *witam, żegnam*²⁰. Нечто в этом же роде наблюдается в самой распространенной русской формуле благодарности (*Благодарю вас*), буквальный смысл которой противоречит „направлению” благодарности; ц.-сл. **благорарти** (калька греч. *ευχαριστεω*) первым значением имело ‘одаривать’, ‘наградить’²¹; ср., впрочем, разговорное *благодарствуйте*, которое более соответствует смыслу этой фатической формулы, однако грамматическая форма (повелит. накл.) также свидетельствует о косвенности данного выражения.

Типичная польская формула б л а г о д а р н о с т и, заимствованная из нем., лишена прозрачной (осознаваемой говорящими) мотивировки. У русских оба наиболее частотных выражения – *благодарю* и *спасибо* – так или иначе соотносятся с церковной сферой: первое слово – церковнославянизм, второе – лексико-синтаксический дериват от *спаси боже*.

Перформативный глагол *dziękuję* чаще всего употребляется с наречиями: *bardzo, serdecznie, pięknie, ślicznie, uprzejmie, strasznie, (jak) najserdeczniej, strasznie serdecznie* и под. Предполагается, что в подобных оборотах у наречий функция выражения интенсивности, по сути дела, стерлась из-за частого употребления²². Русские формулы с показателями интенсивности в РР менее разнообразны (*большое/большуищее/огромное/огромнейшее спасибо, премного благодарен* – вот и все, пожалуй, если не считать искусственных перифрастических построений вида *Нет слов, чтобы выразить тебе мою огромнейшую признательность...*).

¹⁸ К. О ж ó г, *Zwroty grzecznościowe współczesnej...*, указ. соч., с. 21.

¹⁹ Там же, с. 25–35.

²⁰ Там же, с. 25.

²¹ *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.*, т. I, Москва 1988, с. 177.

²² К. О ж ó г, *Podziękowania w polszczyźnie mówionej*, „Język Polski” 1982, vol. LXII, nr 4–5, с. 261.

К. Ожуг выделяет формулы опосредованной благодарности, например, через комплимент – *jesteś kochany, super jesteś, jest pan tak bardzo grzeczny; pani jest taka grzeczna i kochana*; среди молодежи – *byku jesteś, w dechę jesteś, prima jesteś* и т. п.²³

В этой области современной фатической коммуникации отмечается любопытное явление: „За услугу можно благодарить добрым пожеланием..., а также генетически плохим, которое в конкретном акте речи имеет характерную эмоциональную окраску, например: А. – *No to nasz kochany Andrzej wrocław ci to z okazji imienin*. В. (*dobrodusznie*) – *A niech cię kule biją! Skąd to wykombinowałeś!*”²⁴. Подчеркивается, что подобные выражения употребляются в ситуации неожиданности, сильного удивления. Еще примеры: *Niech cię cholera; Niech cię drzwi ścisną; Niech cię prąd popieści; A niech cię poskręca; Niech to gęś kopnie*²⁵.

Реакции на выражение благодарности тоже весьма разнообразны: *O czym ty gadasz; Daj spokój; Bez przesady; Obrażę się; Nie ma za co; Drobiazg (Drobnostka); Nie ma o czym gadać; Nic wielkiego, Nie przesadzaj*²⁶. Ср. с похожими русскими: *He за что; Пустяки (Какие мелочи); He stouit об этом; O чем ты говоришь (вы говорите)* и под.

Формула и з в и н е н и я у поляков (*przepraszam*) связана с глаголом *prosić* и, несомненно, является результатом синтагматического стяжения (род метонимии). К. Ожуг и в этом жанре фатических высказываний выделяет непосредственные (включающие глаголы *przepraszać, wybaczyć*) и косвенные формулы²⁷. К последним относятся выражения, описывающие психический дискомфорт говорящего, например: *Czuję się tak głupio; Tak bardzo mi przykro; Strasznie mi głupio; To moja wina; Strasznie się czuję z tego powodu; Jest mi niewyraźnie; Łyso mi, Okropnie mi* (в молодежной среде)²⁸. К косвенным следует отнести и такие фатические высказывания, в которых извинение выражается побудительным предложением типа *He serdusь; He obижайся; Nie gniewaj się; Nie miej do mnie żalu*.

Вербальные реакции на извинения столь же обязательны в фатической коммуникации, как и сами извинения. Если извинение принято, ответная реплика и у русских, и у поляков предполагает обычно оценку повода как незначительного, не имеющего серьезных последствий (ср.: *Już w porządku; No już dobrze; Ale nic się nie stało; Nie ma za co; Nic nie szkodzi; To taka drobnostka; Nie przejmuj się; Wypchaj się*²⁹). Впрочем, этикет не запрещает и ригористических реакций типа *No cóż! Trudno! Wy mogli бы быть повнимательней* и под.

²³ К. О ж ó г, *Podziękowania w polszczyźnie...*, указ. соч., с. 263.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, с. 264.

²⁶ Там же, с. 264–265.

²⁷ К. О ж ó г, *Zwroty grzecznościowe współczesnej...*, указ. соч., с. 46–56.

²⁸ Там же, с. 32.

²⁹ Там же, с. 47–51.